

сближение двух форм социалистической собственности, развитие межхозяйственных организаций, в которых участвуют и колхозы, и государственные предприятия. Немалое значение имеют и изменения форм организации, оплаты труда колхозников»⁶.

В процессе межхозяйственного кооперирования происходит изменение роли и места колхозов в сельскохозяйственном производстве. Они утрачивают значение единственных хозяйственных производственных ячеек в колхозно-кооперативном секторе экономики. На базе кооперации возникли специализированные межхозяйственные предприятия индустриального типа с высоким уровнем концентрации производства. Они призваны обеспечить общенародные интересы по увеличению производства сельскохозяйственной продукции, а также интересы хозяйств-пайщиков в выполнении продовольственной программы и повышении уровня рентабельности кооперированных отраслей. В условиях нашей республики наиболее рациональной формой межхозяйственного кооперирования являются колхозы и совхозы, выполняющие производственные функции межхозяйственных предприятий. Таких в республике насчитывается 277, а всего в производстве продукции животноводства участвуют 903 спецхоза. В них, по сравнению с многоотраслевыми хозяйствами, в 2—3 раза выше производительность труда, в 1,5—2 раза ниже себестоимость продукции⁷.

Межхозяйственная кооперация позволяет вовлекать все колхозы и совхозы, независимо от уровня их экономического развития, в процесс концентрации и специализации, что способствует росту эффективности производства в целом, создает материально-технические и организационные предпосылки для более высокого уровня обобществления сельскохозяйственного производства — агропромышленной интеграции.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 177.

² Ионов Ч. К вопросу о сущности социалистического обобществления производства. — Экономические науки, 1975, № 2, с. 18.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 171.

⁴ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. — М., 1979, т. 7, с. 423.

⁵ Панченко Н. Ф., Ломакин В. А. Накопление в колхозах. — М., 1976, с. 199.

⁶ Материалы XXVI съезда КПСС. — М., 1981, с. 53.

⁷ Гвоздев В. Углублять специализацию и концентрацию в сельском хозяйстве. — Коммунист Белоруссии, 1980, № 5, с. 12.

Т. Л. КЛЕЦКОВА

КРИТИКА ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ ТЕОРИИ СОБСТВЕННОСТИ ГЕГЕЛЯ В РАННИХ РАБОТАХ К. МАРКСА

Государственно-правовая теория Гегеля в своей основе представляет собой наиболее значительную попытку теоретического обоснования частной собственности как прирожденного свойства человека и разумного общественного начала. В его построениях она и составляющий элемент человеческой личности, и основа, субстанция гражданского общества и политического государства¹. Поэтому воспевание государства как действительности нравственной идеи оборачивается тем, что действительность нравственной идеи выступает здесь как религия частной собственности². Фактически вся система категорий «Философии права» основана на развертывании определений частной собственности, составляющих тем самым субстанцию этой системы.

Отказываясь от однозначного определения категории собственности, Гегель характеризует ее посредством системы диалектически взаимосвязанных категорий, начиная со свободной воли, владения, потребления, отчуждения, договора и кончая семейным и всеобщим имуществом, словами и государством. Совокупностью этих категорий он описывает собственность как волевое, юридическое отношение³. Простейшее абстрактное определение разворачивается в многообразное целое, причем «воля собственника, согласно которой вещь принадлежит ему, есть первая субстанциональная основа, и ее дальнейшее определение, употребление есть лишь явление и особый способ видоизменения, не имеющий такого значения, как эта основа»⁴.

Исходя из вышесказанного, представляется справедливым, что «система Гегеля лишь выражает и идеализирует первостепенную важность

частной собственности в структуре гражданского общества и политическо-го государства»⁵. Причем Гегель защищает и феодальную и буржуазную собственность, что, естественно, обусловило внутренние противоречия его теории, так как требование сохранения феодальной собственности противоречит требованию развития собственности буржуазной. Объективной основой этого «дуализма» теории явился «дуализм» немецкой действительности на рубеже XVIII—XIX веков, который и был лишь некритически воспроизведен.

К. Маркс пришел к необходимости систематического критического пересмотра государственно-правовой теории Гегеля в самом начале формирования основ собственных взглядов на общество. Естественно, что он не дает в своих первых работах всестороннего и систематического ее анализа. Однако уже в самых ранних работах он не только разоблачает «некритический позитивизм», социальный смысл гегелевской апологетики. Критика реакционных сторон философии права Гегеля является здесь одновременно и постановкой вопроса об искажении диалектики в его системе.

В то время как для Гегеля проблема собственности носит абстрактный характер (обязанность уважать собственность тождественна якобы праву на нее), К. Маркс интересуется действительным правом действительного лица, и прежде всего — социально и политически обездоленной массы. Становление научных взглядов К. Маркса на собственность начинается с ломки идеалистического метода и создания общенаучных материалистических предпосылок ее исследования. Реализация переворота в методологии осуществляется через изменение теоретических определений, трактовки понятия собственности, ее природы.

Центральным в критике гегелевских взглядов оказался вопрос о сущности противоречий современного прусского общества и их преодолении. К. Маркс отмечает, что глубина Гегеля сказывается в том, что он везде начинает с противоположности определений и на ней делает упор. Но при этом главная его ошибка состоит в том, что он «противоречие явления понимает как единство в сущности, в идее, между тем как указанное противоречие имеет, конечно, своей сущностью нечто более глубокое, а именно — существенное противоречие»⁶. К. Маркс критикует Гегеля за непонимание действительных отношений между сословиями прусского государства, все противоречия между которыми он сводит к абстрактным, мистическим противоречиям. Это следствие «коренного порока его хода мыслей», состоящего в том, что в субъект превращаются абстрактно-логические категории, идея, а действительный субъект — в ее предикат.

К. Маркс показывает, что способ дедуцирования действительности из идеи создает только видимость действительного познания, развития определенного содержания, ибо не позволяет вскрыть специфику рассматриваемого предмета. Поскольку понятие как получившая самостоятельное бытие абстракция превращается в активный определяющий и различающий принцип, постольку «конкретное содержание, действительное определение, выступает здесь как формальное, а совершенно абстрактное определение формы выступает как конкретное содержание» (235). Гегель превращает действительность в феномен идеи, но сама идея не имеет другого содержания, кроме этого феномена, и потому первое попавшееся эмпирическое существование трактуется как реальный момент идеи.

Так, Гегель, последовательно развивая понятие собственности как объективированной воли, проводит различие между частной собственностью, наследуемой по майоратному праву и независимой от юридической воли, и имуществом, отчуждаемым и приобретаемым на основе «общей воли», договора. К. Маркс, соглашаясь в целом с этим подразделением, обращает, однако, внимание на грубую непоследовательность Гегеля в оценке этих форм. В отделе о частном праве «истинной идеальностью» частной собственности провозглашается отчуждаемость и зависимость от общей воли, а в отделе о государственном праве — наоборот, мнимое превосходство неотчуждаемости. Причину этого К. Маркс находит в том, что для Гегеля понятия государства, права, собственности и др. как выражения движения абсолютной идеи нетождественны их осуществлению в действительности. Объективный идеализм неизбежно ведет к удвоению мира, что и явилось философской основой некритического позитивизма Гегеля. Вследствие этого понятие собственности развивается им фактически с буржуазных позиций, а его эмпирическая форма — с позиций феодальных.

Хотя К. Маркс еще считает, что землевладение, «независимая частная собственность», является высшей ступенькой, наиболее развитой формой, тем не менее утверждает, что собственность отчуждаемая более прогрессивна, поскольку более «человечна» по сравнению с первой, у которой обрезаны все социальные нервы. В имуществе мы «сквозь частную собственность слышим биение человеческого сердца: это зависимость человека от человека. Какова бы ни была сама по себе природа этой зависимости, она человечна по сравнению с таким рабом, который воображает себя свободным на том основании, что ограничивающей его сферой является не общество, а земля. Свобода этой воли сводится к ее пустоте, к отсутствию в ней всякого другого содержания, кроме частной собственности» (338). Здесь К. Маркс подходит к пониманию частной собственности как определяющей зависимость человека от человека, как общественного отношения. Одновременно в критике апологетической теории майората он фактически начинает выступать (пока в данном частном случае) против изначального определения Гегелем самого абстрактного понятия собственности.

Так, К. Маркс считает, что в майорате частная собственность уже не является определенным объектом произвола, а наоборот, произвол является определенным предикатом частной собственности. Для сословия земельных собственников землевладение становится субстанциональным определением, составляющим «сокровеннейшее достояние личности», его личность вообще, так как является неотчуждаемым благом. В наследственном майорате, таким образом, «субъектом является вещь, а предикатом — человек. Воля становится собственностью собственности» (343). А потому «дело обстоит здесь уже не так, что собственность существует постольку, «поскольку я вкладываю в нее свою волю», а так, что моя воля существует постольку, «поскольку она вложена в собственность. Моя воля не владеет уже здесь объектом, а сама она находится во власти объекта» (336—337). К. Маркс не только имеет в виду предметный, вещный характер частной собственности. Он выступает против конструирования Гегелем сословия землевладельцев в качестве непосредственно политического сословия «природной нравственности», особенностью которого является якобы «покояющаяся на себе воля». К. Маркс утверждает: землевладение как источник средств существования и «покояющаяся на себе воля» суть две различные вещи. Следовало бы скорее говорить о «воле, покоящейся на землевладении» (328).

Гегель доказывал, что сословия своей опосредствующей деятельностью снимают противоречие между правительством и народом, что через их представительство государство примиряет противоположные интересы. К. Маркс же показывает, что сословное представительство — не что иное, как организованная политическая противоположность гражданского общества, а потому не устраняет противоречие гражданского общества, а выявляет, углубляет его, создавая тем самым предпосылки его разрешения.

В отличие от Гегеля, который свел все реальные противоположности прусского общества к отношению всеобщего и единичного в структуре умозаключения, а потому к их замазыванию, опосредованию в качестве разрешения, К. Маркс дает конкретную, глубоко диалектическую постановку проблемы противоположностей. Он считает, что «подлинно философская критика современного государственного строя не только вскрывает его противоречия как реально существующие, но и объясняет их, она постигает их генезис, их необходимость. Она постигает их в их специфическом значении. Это понимание состоит, однако, не в том, чтобы, как это себе представляет Гегель, везде находить определения логического понятия, а в том, чтобы постигать специфическую логику специфического предмета» (325).

Изучив процесс разложения сословной организации, К. Маркс пришел к выводу о существовании двоякого рода сословий: социального и политического. Сущность социальных сословий как результат исторического развития заключается в том, что «отдельные члены народа равны на небесах их политического мира и не равны в их земном существовании, в их социальной жизни» (310). Деньги и образование выступают в качестве главных критериев в различии этих сословий. Рассматривая их материальное положение, К. Маркс обнаруживает, что «люди, лишенные всякой собственности, и сословие непосредственного труда... являются в меньшей степени сословием в гражданском обществе, чем той почвой, на которой покоятся и движутся его круги» (311). Если исключение из си-

стемы частной собственности делает «сословие непосредственного труда» не членом, а инструментом гражданского общества, то в противоположности официальных сословий К. Маркс видит противоположность различных форм частной собственности. Он показывает, что противоречия сословий прусского общества в действительных отношениях действительного государства приняли «совершенно новую, а именно — весьма материальную форму, как едва ли следовало ожидать от отношений, существующих в небесах политического государства. Противоположность, показываемая здесь Гегелем, представляет собой, если выразить ее с необходимой остротой, противоположность между частной собственностью и имуществом» (333).

В эмпирическом факте наличия противоречий между сословиями Маркс обнаруживает внутреннее существенное противоречие — в развитии форм частной собственности. Здесь он приближается к пониманию частной собственности как основы классовых различий. В последующем именно это положение он использует для создания и развития материалистической теории собственности. Уже в «Немецко-французском ежегоднике» Маркс укажет на единство противоположностей частной собственности как основы мирских социальных противоречий и пролетариата как класса гражданского общества, порожденного движением частной собственности и требующего ее уничтожения. А в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» частная собственность будет определена как труд, капитал и их противоречивое взаимоотношение, т. е. как отношение между людьми в сфере экономики.

В работе «К критике гегелевской философии права» Маркс намечает положение о праве как отражении фактических материальных отношений собственности, сравнивая римскую и германскую системы частного права. У римлян, впервые разработавших право частной собственности как абстрактное право, частное право в его классическом выражении, нет, по мнению К. Маркса, его мистификации. Это проявляется в том, что в отличие от германцев, у них «собственное основание частной собственности, владение, берется как факт, как необъяснимый факт, а не как право». К. Маркс показывает нормальный, неизвращенный характер отношения римлян к собственности. Для них «лишь благодаря юридическим определениям, которые общество дает фактическому владению, последнее приобретает качество правового владения, частной собственности» (347). Основу этих различных форм права он находит в частной собственности и их различие объясняет различием «между римским и германским типом развития частной собственности». Подлинное значение эти положения приобретут с созданием целостного материалистического понимания истории, отправные моменты которого сформулированы Марксом уже в данной работе.

Выводы из критики К. Марксом гегелевской теории собственности имеют принципиальное значение для анализа современных буржуазных теорий собственности. Под влиянием реальных социально-экономических процессов они претерпели определенные изменения. Некоторые буржуазные теоретики вынуждены на словах признавать экономическую природу собственности и ее системообразующую роль. Но большинство из них остается на позициях сугубо юридической ее трактовки и абстрактно-идеалистического подхода к ее рассмотрению, несостоятельность которых К. Маркс разоблачил уже в ранних своих работах.

¹ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 333—334, 335, 340.

² Там же, с. 338.

³ См.: Шкредов В. П. К истории разработки концепции собственности в «Капитале» К. Маркса. — Вестник МГУ, серия 7, экономика, 1967, № 4.

⁴ Гегель. Соч., т. VII, с. 84.

⁵ Корню О. К. Маркс и Ф. Энгельс: Жизнь и деятельность. — М., 1976, с. 540.

⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 324. В дальнейшем страницы этого издания указываются в тексте статьи, в скобках.